

**МОЛЕНЬЕ ОТЦА О СЫНЕ (О ЦИКЛЕ РАВИЛЯ
БУХАРАЕВА «НЕБЕСНЫЙ СЫН МОЙ»)**

Карпенко А.

**PRAYER OF A FATHER FOR HIS SON (ABOUT RAVIL
BUKHARAEV'S CYCLE «MY HEAVENLY SON»)**

Карпенко А.

Цикл стихов Равиля Бухараева, посвященный сыну, состоит из 19 стихотворений, основной короб которых был написан в декабре 2003 г. Все стихи помечены датами, что значительно облегчает задачу исследователя. Утрату близкого человека трудно принять и осмыслить. Но для человека верующего нет ничего невозможного.

«Ты стоишь над рекою Сада, / как над новой своей рекою... // ничего мне уже не надо. / Буду страж твоему покою. // Но не будет конца отныне / покаянной моей дороге, // как моленью отца о сыне, / как томленью души о Боге» (25 декабря 2003 г.).

Цикл стихов «Небесный сын мой» особняком стоит в творчестве Р. Бухараева. Поэт потерял единственного и горячо любимого сына. Горе привязывает человека к земле, не дает ему вырваться из замкнутого круга. Жизнь, смерть и Бог сплетаются воедино в пронзительном поэтическом плаче. Сын Василий, «наших кровей друг невозвратный», получает вторую жизнь – уже в творчестве отца. Каждое стихотворение этого цикла – на вес золота. «Ввысь – по

небесной стерне, / По бездорожью... / Сын мой погиб на войне / Вымысла с ложью. // Был он печальник войны, / Павший до срока / Среди своих – без вины / И без упрека. // Вот и возносится он / В звездах просторов / Выше всех ваших знамен, / Воплей, укоров, // Над золоченой главой / Слезного храма, / Где не избудет живой / Грязи и срама. // Огненный перистый свей, / Облак закатный... / Это все наших кровей, / Друг невозвратный! // Эта горячая даль – / Наша до муки... / Боже, да разве не жаль / В правдах разлуки // Осиротевшей земли, / Жизни пропащей, / Где-то в щемящей дали / Мироточащей... // Ввысь – по горящей стерне, / Неопалимо... // Сколько их, в этой войне / Павших незримо! // Боже, хоть ты сохрани, / К свету да примут! // Сраму не имеют они, / Сраму не имеют» (Лондон, ноябрь 2005 г.).

Равиль пишет свой трагический цикл высоким штилем, так, как это свойственно его поэтике. Образ сына создается неожиданными деталями. Вот он, как Господь, идет по воде. Но не босиком, а в кроссовках. Если мы возьмем христианскую триаду

Отец-Сын-Святой Дух, то Святой Дух здесь – это стихи отца. «О тебе не подумаю – был. / Я еще ничего не забыл. / Я живу, увязая в труде. / Ты шагаешь – пешком по воде. / Ты идешь, где другому нельзя, прямо к солнцу ложится стезя, / И по этой стезе золотой / ты в кроссовках идешь, как святой. / Где то небо и где та вода? / Для чего мне вериги труда? / Где мои поученья о том, / как бессмертье черпать решетом? / Шелковиста озерная гладь. / Ничего не могу – даже спать, / ничего не могу – разве тут / дожидаться, пока позовут. / Отражаются горы и лес / в целокупности вод и небес. / Я живу, увязая в труде. / Ты шагаешь – пешком по воде» (26 марта 2004 г.).

В детстве одним из моих любимых фильмов был «Овод» по роману Войнич. Там есть потрясающая сюжетная линия отец – сын. Кардинал Монтанелли и его сын Артур. Мистическая и духовная связь между отцом и сыном не дает им забыть друг о друге. И отец, который фактически дал добро на расстрельный приговор сыну, увидев мертвого Артура, постепенно сходит с ума. Психика даже самого сильного человека может не вынести такое испытание. Скорбь Равиля Бухараева по сыну Василию чиста. Он не один в своем горе – его поддерживает жена, поэт Лидия Григорьева. Безутешные мать и отец уезжают в Венецию – оплакивать сына.

«С этой болью, загинувшей втуне, / как со спящим ребенком в руках, / словно ветер, уйду по лагуне, / чтоб утратить себя в облаках. // И вернет

меня снова на паперть / разве свет обручальных колец... / Мы поедем в Венецию плакать, / твои вечные мать и отец» (15 декабря 2003 г.).

В этом героическом цикле отец словно бы сливается с сыном, а жизнь переплетается с вечной жизнью. Это необычные стихи. Наверное, впервые звучит в русской поэзии плач отца. Не плач матери по сыну, что встречается довольно часто, не плач жены по мужу, как в «Слове о полку Игореве», а именно плач отца. Это, казалось бы, даже и не мужское дело – оплакивать. Но в поэзии все равны, как матери, так и отцы.

У Р. Бухараева – пушкинский дар, он тяготеет к классицизму. Чтобы взять трагическую ноту, поэту даже не приходится ломать свой голос. Мы видим в его драматических текстах вкрапления из старославянской лексики, которая здесь оказывается вполне уместной, поскольку старое и древнее дружат с вечным. Выспрь, внуне, загинувший, зряще, восчувствовал, возлюблю, воздымут – таких слов у Р. Бухараева множество. И все это создает особую стилистику цикла «Небесный сын мой».

В этом цикле мы наблюдаем высокую художественность текстов. Казалось бы, в трагическую минуту сложно думать о слоге – надо просто выговориться. Тем не менее, поэт не позволяет себе ни капли литературной неаккуратности. Долг отца перед сыном и долг поэта перед Богом, в сущности, один и тот же. Поэтический гений и тяга к труду помогают Равилю Бухараеву справиться с испытанием. Конечно, боль

не может пройти полностью по причине невосполнимости утраты. Ее можно разве что приглушить и локализовать. «Жизнь волоку, как лодку посуху», – говорит поэт. Он ищет для своего духа опору, как сверху, так и снизу. Работой доводит себя до изнеможения: «Зряще меня в усталости, / В изнеможеньи жил, / Боже, пошли мне радости, / Хоть и не заслужил, // Чтоб с головой повинной / Вспомнил, что я живой, / Прежде, чем стану глиной, / Листьями и травой. // Боже, пошли мне радости / Светлой и задарма, / Чтобы, пугаясь праздности, / Я не искал ярма. // Чтоб, не смиряя взора, / Помнил, что тщетна смерть: / И в небесах опора, / И под ногами твердь» (октябрь-ноябрь 2005 г., Лондон).

Вера и поэзия, Бог и работа помогают человеку справиться, насколько это возможно, со своим горем. Я побывал недавно на могиле сына поэта на годовщину его гибели, и горестные строки отца стали мне ближе и понятнее. Лучшие строки «Небесного сына» написаны поздней осенью и ранней зимой. Психологически это объясняется тем, что в годовщину гибели сына горечь этой осенней утраты возвращается с новой силой. Бог нашептал поэту путь – жить отныне за двоих. Эта мысль звучит у Равиля Бухараева в стихотворении «Когда вернусь в казанские снега...». «Когда вернусь в казанские снега, / мы разглядим друг друга в свете Бога, / и я пойму, о чем была туга, / и я пойму, зачем была дорога... // Мой мальчик, потерпи еще немного, / пока вернусь в казанские снега... // Мне кажется,

я за двоих живу. // Мои глаза, промытые слезами, / еще не перестали быть глазами, // и уши слышат, словно наяву, / твой голос – в Лондоне или Казани: // мне кажется, я за двоих живу» (12 декабря 2003 г.).

Поэт не единожды входит в реку скорби. В конце 2005 г., через два года после смерти сына, он пишет еще несколько проникновенных стихотворений, которые тоже вошли в цикл «Небесный мой сын». «Сын мой – свет березовый, / Ливень грозовой! / Я еще не бронзовый, / Я еще живой. // Я еще не каменный / С треснутым крылом, / Страшной болью памятной / Помню о былом. // Было – по-над пропастью / Порывался выспрь, / И кормилось совестью / Пламя Божьих искр, // А отныне, в ярости / Растеряв броню, / Горе паче радости / В памяти храню. // Было – в смертной скудости / Выстраданных сил / Ясности и мудрости / Я себе просил. // Что ж, смятенный, бросовый, / Плачу над тобой, / Сын мой – свет березовый, / Ливень грозовой...» (Лондон, октябрь-ноябрь 2005 г.).

Существует магическая, мистическая связь между отцом и сыном. Вспоминаются строки Тютчева: «Ангел мой, где б души ни витали... / Ангел мой, ты видишь ли меня?». Равиль Бухараев ни на секунду не сомневается, что сын его видит и слышит. Они разговаривают между собой: «Горечь твоих неудач / в сердце заначу. // За полночь: «Папа, не плачь...». // Я и не плачу. // Снова берусь за дела. / Как же без дела? // Словно лавина сошла / и не задела. // Словно удар ножевой / был мимо

сердца... // Снова хожу как живой. / плачь». // «Мой родной, разве я пла-
 Некуда деться. // Ночь. Одиночест- чу?» (20 декабря 2003 г.).
 во. Тьма. / Тяжко и жутко. / Можно Поэтический цикл Р. Бухараева
 бы съехать с ума / или с рассудка, «Небесный мой сын» – это чистый
 // только и в этой ночи, / как у зер- свет преобразованной боли. Отец пе-
 цала, / надо сидеть у свечи, / чтобы редал сына в надежные руки: «Знаю,
 мерцала... // За полночь свет незем- что ты – в ученье. / Мальчик, учись
 ной / зря не растрочу. // «Папа, не у Бога».

Сведения об авторе: Карпенко Александр Николаевич, поэт, переводчик, член
 Российского союза писателей, Россия, e-mail: zazerkalny@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворений казанского поэта Равиля
 Бухараева. Рассматриваются произведения поэта из цикла, посвященного памяти по-
 гибшего сына.

Ключевые слова: Казань, Равиль Бухараев, поэзия, творчество.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the poems of the Kazan poet Ravil
 Bukharaev. The works of the poet from the cycle devoted to the memory of his dead son are
 considered in it.

Key words: Kazan, Ravil Bukharaev, poetry, creativity.